

О «ЯРОСТНОМ ЭКСПРЕССИОНИЗМЕ» И ПРОЗЕ С ПРОТЕЗАМИ*

Леонид Геллер

Лозаннский университет, Швейцария

ON "VIOLENT EXPRESSIONISM" AND PROSE WITH PROSTHESES

Leonid Heller

University of Lausanne, Switzerland

Referring to Andrei Platonov's *The Foundation Pit* and *Happy Moscow*, the author considers these two works through the prism of 1920s and 1930s literature and maintains that they display features of expressionism in the way they represent corporality. The writer's words about the "wonderful and violent" world are a motivating factor in the aspects of his poetics connected with the term "violent expressionism". First, this applies to the theme of prosthetics considered both by Platonov's contemporaries (K. Fedin, L. Leonov) and writers of later periods (B. Polevoy, V. Shalamov, A. Zinovyev). Comparative analysis helps the article's author to prove that representations of bodies with prostheses form a powerful literary topos that transforms social, political, and ideological material and is capable of symbolising the uniqueness or/and fragility of the human body and the vagueness of its borders. Analysing the correlation between prostheses and teratology, representations of disability and the tradition of deformity, realist (social realist) and expressionist concepts, the author concludes that "prose with prostheses" helps us to perceive Russian literature in a new way.

Keywords: Andrei Platonov; Russian prose of the 1920s–1930s; expressionism; prosthetic corporality; prosthetic culture; teratology; deformity in art; representation of disability.

Рассматривая повести Андрея Платонова «Котлован» и «Счастливая Москва» на фоне литературы 1920–1930-х гг., автор констатирует их близость, прежде всего в области репрезентации телесности, к программе экспресси-

* *Citation:* Heller, L. (2019). On "Violent Expressionism" and Prose with Prostheses. In *Quaestio Rossica*. Vol. 7, № 1. P. 171–186. DOI 10.15826/qr.2019.1.370.

Цитирование: Heller L. On "Violent Expressionism" and Prose with Prostheses // *Quaestio Rossica*. Vol. 7. 2019. № 1. P. 171–186. DOI 10.15826/qr.2019.1.370 / Геллер Л. О «яростром экспрессионизме» и прозе с протезами // *Quaestio Rossica*. Т. 7. 2019. № 1. С. 171–186. DOI 10.15826/qr.2019.1.370.

онизма. Слова самого писателя о «прекрасном и яростном» мире мотивируют определение аспектов его поэтики, связанных с термином «яростный экспрессионизм». В первую очередь это относится к тематике протезов, к которой обращаются другие авторы – и современники Платонова (К. Федин, Л. Леонов), и писатели более поздних периодов (Б. Полевой, В. Шаламов, А. Зиновьев). Сопоставительный анализ позволяет установить, что представление тела с протезами работает как мощный литературный топос, преобразующий социальный, политический, идеологический материал, способный символизировать инаковость и/или хрупкость, нечеткость границ человеческого тела. Проанализировав отношения между протезами и тератологией, репрезентациями инвалидности и традицией уродства, реалистической (соцреалистической) и фантастико-экспрессионистской концепциями, автор констатирует, что «проза с протезами» дает возможность бросить новый взгляд на русскую литературу.

Ключевые слова: Андрей Платонов; русская проза 1920–1930-х гг.; экспрессионизм; протетическая телесность; протетическая культура; тератология; чудовищное в искусстве; репрезентации инвалидности.

Начальник видит: человек на деревяшке,
и правый рукав пустой пристегнут к мундиру.
Н. Гоголь. Повесть о капитане Копейкине. 1842

...Он давно признал, что прошло время теплого,
любимого, цельного тела человека:
каждому необходимо быть
увечным инвалидом.
А. Платонов. Мусорный ветер. 1938

Шагайте, безногие, в ногу!
Протезам – ничто расстояние.
Где видят слепые сиянье,
Туда пролагайте дорогу.
А. Зиновьев. Марш уродов (из романа «Живи»). 1989

В предлагаемой статье речь пойдет об определенном литературном топосе и о поэтической системе, с которой связано его применение. Кратко описать эти явления разного уровня, а затем обосновать их связь – такова наша задача. В центре исследования находится творчество Андрея Платонова. Мы намереваемся поместить его в ряд контекстов, современных ему и более поздних, не столько резюмируя «тему протезов» в современной русской литературе, сколько стремясь обозначить контуры ее, литературы, *протезного пространства*, один из полюсов которого занимает А. Платонов.

Начало системы координат «протезного пространства» обозначает, разумеется, Н. Гоголь с его «Повестью о капитане Копейкине». Однако в литературе XIX в. протезы являются по большей части атрибутом инвалидов различных войн. Нас же интересует век XX, до глубины проникнутый, особенно в первые десятилетия, гоголевским влиянием. После революции «протезное пространство» обозначает ось, на одном конце которой размещаются ранние советские романы, такие как «Города и годы» Константина Федина (1924) и несколько более поздняя «Соть» (1930) Леонида Леонова. Особым образом соотносится с ними творчество А. Платонова. Другой полюс занимают классики послевоенного социалистического реализма – Борис Полевой и его «Повесть о настоящем человеке» (1946), Петр Павленко и «Счастье» (1948). От Гоголя сквозь досоветское, советское, да и постсоветское время-пространство идет другая, более извилистая линия – сатирико-фантастическая, сверхреалистическая. Она иногда пересекает и линию Федина и Леонова, на ней располагается Платонов, а позже разместится и Александр Зиновьев с его удивительным пророческим романом «Живи» (1989).

Как кажется, к той же сверхреалистической линии, что и творчество Платонова, относится и творчество Варлама Шаламова. Его чрезвычайно важный для нашей темы рассказ «Протезы» (1965) требует, однако, отдельного подхода; здесь уместно лишь напомнить его содержание¹. Когда арестованных героев рассказа заставляют раздеться и сдать вещи, оказывается, что тело каждого из них увечно, у каждого есть протез, от корсета до искусственного глаза, и протезы тоже нужно сдавать. Надзиратель, собрав вещи, замечает: «Тот, значит, руку, тот ногу, тот ухо, тот спину, а этот – глаз. Все части тела соберем». Нет протеза лишь у рассказчика, и надзиратель предлагает ему сдать взамен душу. «Душу я не сдам», – отвечает тот, и этими словами заканчивается рассказ о том, как идет сборка нового Франкенштейнова чудовища, искусственного, сложенного из мертвых частей тела советского человека, которому не хватает души, но который, по-видимому, сможет жить и без нее [Шаламов].

На продолжении реалистической линии «протезного пространства» могут оказаться и такие произведения времен оттепели, как фильм Григория Чухрая «Чистое небо» (1961), и такие позднесоветские вещи, как «Богояр» (1987) Юрия Нагибина и другие рассказы о Валааме. Наша подборка, разумеется, не исчерпывает материала, но, как нам кажется, позволяет кое-что упорядочить в ожидании дальнейших изысканий, буде таковые последуют.

¹ Благодарим госпожу профессора Любу Юргенсон, которая убедила нас, что настоящего разговора о протезах не может быть без упоминания о шаламовском рассказе.

Тема протезов отпочковалась от наших исследований утопии, в частности, нового тела, а точнее, тела Нового Человека. Появление в перспективе утопии Платонова представляется вполне закономерным, хотя, например, корейский исследователь Сонг Чжон Су удивлен тем, что «большинство зарубежных литературоведов при интерпретации творчества Платонова придерживаются “утопической” концепции». Он добавляет: «На наш взгляд, объект художественного мира писателя не столько основан на политическом интересе, сколько является самой жизнью, взаимосвязанным развитием человека и мира» [Сонг Чжог Су, с. 5]. Нам нравится это полемическое высказывание, оно верно ставит вопросы и об онтологии художественных объектов, и о терминах и их употреблении; для нас, однако, как, по-видимому, и для большинства зарубежных литературоведов, острые границы между политикой и жизнью, утопией и реальностью давно стерлись.

«Яростным экспрессионизмом» мы стали называть манеру письма Платонова, отсылая к его формуле о «прекрасном и яростном мире» [Геллер, 2017]. Диалектика прекрасного-яростного явно предполагает ту борьбу между идеальным, утопическим, и реальным, природным, которая ведется в мире Платонова. Вряд ли нужно особо доказывать, что Платонов – писатель предельно «физиологичный»; тело, поставленное в экстремальные условия, мучающееся и мучимое, часто увечное (в рассказе, из которого взята формула, герой становится слепым) – важнейшая слагающая его художественного мира. С этой очень своеобразной телесностью сочетаются жестокий натурализм и откровенность подробностей, перенасыщенность языка, деформирующий и в то же время поэтизирующий взгляд, драматизация конфликтов, символизация и мифологизация быта: возникает комплекс, бесспорно родственный поэтике экспрессионизма. Вопрос об экспрессионизме в литературе и искусстве 1920–1930-х гг. многократно обсуждался, поэтому не будем на нем задерживаться, тем более что мы никак не намереваемся сводить все творчество Платонова к экспрессионизму. Здесь достаточно констатировать его причастность не столько к этому движению, сколько к его поэтической программе.

В «Котловане» и в «Счастливой Москве» центральную роль играют герои, тела которых искалечены и оснащены протезами.

Заметим походя, что в просмотренных нами статьях о «Счастливой Москве» вопрос о ее «деревянной ноге» либо опускается, либо упоминается очень осторожно. Так, в статье о «семантическом поле телесности» в романе, где анализ основан на лексической статистике, к которой и нам случается прибегать, указано, что протезы входят в соматическую лексику романа и что «ножной протез Москвы Честновой в тексте книги наделен особой концептуальной значимостью» [Прокофьева, с. 26], однако это наблюдение не получает никакого развития, и в статистику слово «протез» с его синонимами не включено. Более подробно тему

увечности Москвы развивает Х. Гюнтер в важной статье о платоновской эстетике тела, где очень верно тело Москвы сопоставлено с телом героя «Мусорного ветра» [Гюнтер]; в эту эстетику, однако, протез не вписан. О безногом герое «Котлована» Жачеве пишут все комментаторы романа, его увечность упоминается, но редко толкуется иначе, чем в аллегорическом смысле, который дан самим текстом. Скажем, в очень интересном «Путеводителе по “Котловану”» Н. Дужина дает важные подробности реальной жизни инвалидов, к которым отсылает фигура Жачева, но описанием фигуры и ее инвалидности не занимается. О протезах в работах, которые нам известны, не говорится. Мы же хотим пристальнее взглянуть на предмет, описания которого заряжаются смыслами и ассоциациями, превращая его в литературный топос.

Этот предмет, *протезы*, – модная, а к тому же и очень значимая тема современной культуры. Как известно, наряду со своими обычными задачами, то есть функциональной или орнаментальной заменой утраченного или ослабленного органа чувств, части тела, протезы могут выполнять задачи менее традиционные, такие как улучшение естественного органа, выведение его наружу с целью усиления и умножения, наконец, наделение тела неизвестными дотоле органами и равно физическими, как и психическими новыми возможностями.

Древняя мечта об усовершенствованном теле в научно-технологическую эпоху получила новую силу. Еще во многом умозрительная (утопическая, научно-фантастическая) в модернизме, она стала злобой дня. Об эволюции органов вне тела, об «экзосоматической эволюции» человека ученые стали говорить с 1945 г. (термин А. Дж. Лотки [Lotka, p. 188]). Но уже в 1870-е гг. возникла теория органопроекции, которая рассматривала всю созданную человеком среду как развитие вовне его функций и органов (см. об этом: [Геллер, 2001]). Можно задаться вопросом, не получает ли органопроекция в постмодернизме облик теории тела без органов Ж. Делёза и Ф. Гваттари. Так или иначе, научные, философские, художественные рассуждения о протезах распространились по всему миру. В англоязычном ареале термин *протетика* (*prosthetics*) особенно популярен и отсылает к З. Фрейду, сказавшему, что благодаря науке и технике человек стал своеобразным «Богом с протезами» (*Prothesengott*) в *Недовольстве культурой* (*Das Unbehagen in der Kultur*). Существует ряд исследований того, что получило название «протетической культуры»; в них самосознание человека определяется «не формулой “Мыслью, следовательно существую”, а устройством тела, распространяющегося вовне посредством механических и перцепционных протезов» [Lury, p. 11]; исследователи говорят о художественном *протетическом модернизме* [Armstrong, chap. 3], о *протетическом импульсе*, едва ли не главном факторе развития современного человечества и его цивилизации [The Prosthetic Impulse]. Созданные с помощью новейших технологий протезы становятся атрибутом не только улучшенного человека будущего, но и рождающегося или даже уже родившегося «человека расширенного» [Кравецкий].

С этой точки зрения можно ввести понятия «тотальных» и «виртуальных» протезов, указывающие на широкий диапазон значений – от многофункциональных машин и роботов, наделенных искусственным интеллектом и способных к автономной деятельности, до не известных еще приспособлений для неведомых будущих функций тела.

Когда мы семь-восемь лет назад делали доклад о том, как современные теории тела предвараются в учении Н. Федорова, в теории органопроекции П. Флоренского, в авангардно-пролеткультовских мечтах механизации человека, мало кто из наших слушателей-филологов в Швейцарии и Франции знал о теориях трансгуманизма. Нам они были известны по занятиям современной утопией. В наши дни и неспециалисту нельзя не заметить в Интернете событий, подобных конференции на тему «Человек и его протезы: знания и практики трансформированного тела»: ее недавно устроил серьезнейший французский Центр научных исследований в партнерстве с порталом «ИИ-Трансгуманизм». Программа конференции гласит: за исправленным телом стоит тело расширенное, за телом гибридным, вживляющим протезы внутрь себя, кроется фантазия об идеальном человеке [CNRS-ia Transhumanisme]. Научные и идейные дебаты на эту тему длятся второе столетие. В свое время Платонов о них, несомненно, знал, если не прямо из учений Федорова и Флоренского, то хотя бы из пролеткультовских дискуссий (идея человека-машины, которую тогда развивали такие деятели Пролеткульта, как Алексей Гастев, в варианте напичканного электроникой робота и сегодня входит в концепцию «расширенного человека»).

Протезам необходимо тело. В предыдущих наших работах мы пытались описать явление *современности* в дискурсивном аспекте как динамическое многомерное пространство, заданное сериями *опорных репрезентаций* [Геллер, 2009]. Образы Нового Человека и его тела составляют одну из таких серий. Модели, смешиваясь между собой, составляют парадигму модернистского Нового Тела, да, пожалуй, и тела современного, еще сильнее стремящегося к оптимизации и колонизации мира. *Эвритмическое тело* улучшается, воспринимая природно-космические ритмы и энергии путем мистического общения с миром, культовых обрядов, спортивной тренировки. Понятие *евгенического тела* не нуждается в пояснении; слово скомпрометировано, сегодня его декларативно стараются избегать, но у современной генной инженерии цели по сути те же, что прежде у евгеники. Об «электрическом человеке» говорил Дзига Вертов; *электрическое тело* совершенствуется силами техники, человек-машина пролеткультовцев – один из его вариантов. Наконец, модель *протетическая* улучшает тело при помощи медицинского (хирургического и/или фармакологического) вмешательства. По сегодняшним меркам все модели следовало бы назвать *протетическими*, ведь даже в эвритмических ритуалах присутствуют фармакологические протезы, разнообразные зелья

и наркотики. Но тогда нужно было бы придумать новый термин для сугубо медицинского протезирования. Оставим эту еще не совсем твердую почву и пойдем дальше.

* * *

Описывая названную парадигму современного тела, мы пришли к выводу, что ее антропологическую и художественную действенность обеспечивают в качестве базовых, опорных репрезентаций фантастические *образы-мифы*, в частности, образы монстров [Heller, 2006; Геллер, 2010]. Тело чудовища Франкенштейна – протетическое и электрическое, доктор Джекилл превращается в мистера Хайда благодаря фармакологическим манипуляциям и т. д. Монстры сопровождают научно-технический прогресс XIX в., символизируя его черты; они отражают и идеологические процессы (мы видели, как модель сооружения франкенштейновского нового тела своеобразно преломляется в рассказе В. Шаламова). Для более полного представления проблематики отсылаем к нашей «картографии монстров» [Геллер, 2018]. Скажем лишь, что в нее вполне естественно вписываются титаны.

Упомянуть о монстрах нам казалось необходимым, ибо с представлениями о них связана и топика протезирования увечного тела. Отсутствие или недостача органов и членов, их избыток, модификация, «инаковость тела» могут восприниматься (и долго воспринимались) как уродливые, порой даже чудовищные, монструозные, что не всегда помогало скрыть протетические устройства. Нам приходилось встречать аналогию «монстр – урод».

Жачева, одного из героев «Котлована», потерявшего половину своего тела на Империалистической войне, повествователь, персонажи и прежде всего он сам воспринимают как *урода* – «урода капитализма». Нейтральным словом *инвалид* он обозначается в тексте романа реже (всего 13 раз), чем маркированными эпитетами (18 раз, из них *урод* – десять, *увечный* – четыре, *калека* – два раза). Все эти слова работают как синонимы, но в них явно прослеживается преобладание семантики уродства.

Одна пионерка выбежала из рядов в прилегающую к кузнице ржаную ниву и там сорвала растение. Во время своего действия маленькая женщина нагнулась, обнажив родинку на опухающем теле, и с легкостью неощутимой силы исчезла мимо, оставляя сожаление в двух зрителях – Вощеве и калек. Вощев поглядел на инвалида; у того надулось лицо безвыходной кровью, он простонал звук и пошевелил рукою в глубине кармана. Вощев наблюдал настроение могучего увечного, но был рад, что уроду империализма никогда не достанутся социалистические дети. Однако калека смотрел до конца пионерское шествие, и Вощев побоялся за целост и непорочность маленьких людей [Платонов, т. 2, с. 418].

По поводу этой цитаты замечу в скобках: вряд ли найдется писатель, способный с большей откровенностью и смелостью, одним жестом и звуком передать безысходную сексуальность калеки: едва ли можно найти лучшую иллюстрацию платоновского «яростного экспрессионизма».

В. Даль дает такое определение понятию «урод»: «выродок, рожденный калекою, или не по образу себе подобных, природный калека, телесно искаженный» [Даль, т. 4, с. 508]. Словарь Академии наук подтверждает: «Уродство: прирожденный физический недостаток организма» [Словарь АН СССР, т. 4, с. 512]. Жачев в романе двоится, он и инвалид войны, калека, и урод, монстр. Словарь Ушакова, впрочем, дает диалектное значение слова «урод» – *урожай* [Толковый словарь Ушакова]. Если учесть, что фамилию Жачева иногда возводят к глаголу «жать» в смысле оказания давления, то тут открывается новая возможность толкования парадоксальности героя. Но оставим это для внутриплатоноведческого обихода.

Прежде чем уделить более подробное внимание протезам Жачева, подчеркнем, что «сдвинутое» словоупотребление Платонова (его «урод» не рожден уродом) Александр Зиновьев по-своему интерпретирует 60 лет спустя в романе «Живи». В нем он описывает современный «город уродов», расположенный около атомного предприятия; в результате воздействия чрезмерной радиации, химии, фармацевтики у повествователя от рождения «безобразные отростки вместо ног», его друзья рождены без рук, без глаз. Все они называются в тексте уродами, так говорят о себе и вместе поют «Марш уродов». Один из главных образов-лейтмотивов романа – протезы, о чем будет сказано дальше.

Вернемся к Жачеву. В известных воспоминаниях Ю. Нагибина о том, как сам Платонов смотрел на увечность своего героя, разорванного между капитализмом и социализмом (как и вся Россия) [Нагибин, 1994а, с. 75–76], трудно найти ключ к образу. С нашей точки зрения, интересно другое: отношение увечного тела и протезов в романе непостоянно. Жачев точно описан в начале:

...у калеки не было ног – одной совсем, а вместо другой находилась деревянная приставка; держался изувеченный опорой костылей и подсобным напряжением деревянного отростка правой отсеченной ноги [Платонов, т. 2, с. 417].

Платоновское выражение «*отросток* ноги» (то же слово в обычном значении потом употребит, как мы видели, А. Зиновьев) как будто делает протез органической частью тела. Тем не менее, Жачев иногда меняет костыли и деревянный протез на тележку; он становится более подвижным, и движение умножает его мощь, позволяет ему, инвалиду, участвовать в избиении кулаков.

Есть в романе эпизоды, когда, потеряв костыли и тележку, Жачев лезет и ползет по земле; на наш взгляд, в них он уподобляется змее,

он не только урод, *морос*, но и «чудовище», *терас* в том смысле, что напоминает Пифона, мифического монстра, хтонического духа, титана, участвующего в борьбе против Олимпийских богов.

Москва Честнова, утратившая ногу в результате несчастного случая на Метрострое, сначала получает «прочные костыли», потом протез; ее «уродство» (слово «урод» в тексте появляется только один раз) нисколько не лишает ее прелести в глазах мужчин, наоборот:

Самбикин молчал близ нее, его внутренности болели, точно медленно сгнивали, и в опустевшей голове томила одна нищая мысль любви к обедневшему, безногому телу Москвы. <...> Самбикин зачастую не мог даже добраться до Честновой, настолько она была окружена вниманием, заботой и навязчивостью полнеющих на отдыхе мужчин. Уродство Москвы теперь было мало заметно – ей привезли протез из Туапсе, и она ходила без костылей, с одной тростью, на которой все, кому Москва нравилась, уже успели вырезать свои имена и даты и нарисовать символы безумных страстей [Платонов, т. 4, с. 82].

Не будем касаться эротики, которую роман связывает и с измененным телом героини, и с протезом. Отметим лишь, что Платонов как бы предчувствовал постмодернистскую эротическую эстетику увечности и протезирования – отошлем хотя бы к культовому роману Дж. Г. Балларда «Автокатастрофа» (*Crash*, 1973), не менее культовому фильму Д. Кроненберга (1996), поставленному по этому роману, или к карьере и высокохудожественным протезам безногой спортсменки, манекенщицы и актрисы Эйми Маллинз (а чтобы не совсем оторваться от русского пространства, приведу пример экспонирующей свой ножной протез Виктории Модесты, эпатажной рок-певицы русского происхождения из Латвии).

Как с завистью, но без злости констатирует герой романа «Живи» А. Зиновьева: «...на Западе не стесняются своих уродств. <...> Там уродство – своего рода капитал» [Зиновьев, с. 20]. И это объясняет высокое качество западных протезов и колясок.

Задолго до героя Зиновьева подобную разницу между западным и русским подходом к увечности, инвалидности и протезам переживает на своем опыте Федор Лепендин, один из героев романа К. Федина «Города и годы». Получив ранение, он попадает в плен с разможенными ступнями, и немецкие хирурги, проводя опыты, поэтапно отнимают ему ноги.

Если бы Лепендин был отделенным саксонской, баварской или прусской службы, его, наверное, упрочили бы на металлических протезах патента «Феникс», и отечественные ортопеды и техники научили бы его ездить на велосипеде и взбираться по лестнице. Но он был отделенным русской службы, и ему предложили обойтись как-нибудь своими средствами. <...> Он сплел себе лукошко... устал дно тряпочками и сел

на них, привязав лукошко ремешками за пояс... Вырезал из березы уключины... Вдел руки в дужки уключин, оперся ими о землю, приподнял на руках туловище и, раскачав его, пересел на добрый шаг вперед [Федин, с. 281—282].

Напомним, что у Гоголя в первой версии повести вельможа дает капитану Копейкину тот же, что у Федина, совет: «Ищите сами себе средств».

Более полувека после фединского героя инвалид войны из валаамского рассказа Ю. Нагибина будет передвигаться еще более примитивным способом, у него не будет даже лукошка:

О калек нельзя было сказать, что он «стоял» или «сидел», он именно торчал пеньком, а по бокам его обрубленного широкогрудого тела, подшитого по низу толстой темной кожей, стояли самодельные деревянные толкачи, похожие на старые угольные утюги... [Нагибин, 19946].

Не будем искать в русской и советской литературе ни избытка, ни большого разнообразия в описаниях протезов; разнообразно, однако, отношение к протезам как литературному топосу с его текстовыми (семиотическими, символическими, нарратологическими) функциями.

В романе Л. Леонова «Соть» (1930), о котором говорят, что он мог оказать влияние на автора «Котлована», тоже есть персонаж без ног. Леонов – писатель другого склада, чем Платонов, но не менее «избыточный» и не менее способный находить точные детали. Читателю книги Леонова, пытавшегося поставить «и богу соцреализма свечку, и экспрессионизму огарок», трудно понять систему протезов, на которых передвигается его герой, сугубо отрицательный персонаж. То у него «деревянные обрубки» и «деревянная ляжка», то к обрубку ноги пристегнута «деревянная ступня». Протез попадает в фокус рассказа, когда он портится, когда отказывает даже эта слабенькая опора «врага социализма»:

Слева мелко и часто ковылял на деревянных обрубках тоже молодой еще парень в кожаной куртке, с черным не без удали лицом... Василий тоскливо смеялся, сидя в дорожной пыли и теребя порвавшийся на деревянной ляжке ремешок [Леонов, с. 48].

Когда он поднялся, все увидели, что никаких особых повреждений на Васке нет; только опять лопнул лакированный ремешок, которым была пристегнута к обрубку круглая деревянная ступня... [Там же, с. 143].

И изображение предмета, и отношение к нему героя и повествователя контрастируют с фединскими и, тем более, с платоновскими. Платонов, как кажется, ведет литературный диалог с Фединым, и Жачев во многом похож на Лепендина.

На фоне описаний разных необычных тел в прозе 1920-х – начала 1930-х гг., которую можно без особой натяжки считать экспрессионистской, от Андрея Соболя с его «Паноптиконом» до Михаила Козакова с его карликом Максом и горбуном Великановым, «проза с протезами» Федина, Леонова, Платонова, принадлежа к той же поэтической системе или соприкасаясь с ней, занимает особое место. В такой прозе увечное тело не возвышается, не сублимируется протезами, как сублимируется тело заводского рабочего путем срастания с машиной или инструментом; протезированное тело в «прозе с протезами», как на картинах Отто Дикса, сохраняя черты монструозности, уродства, являет свою близость не к богам, а к взбунтовавшимся чудовищам-титанам.

* * *

Самое подробное описание протезов и обращения с ними мы, естественно, находим в более позднем романе, целиком посвященном этой теме. Герой «Повести о настоящем человеке» и один из кумиров советской эпохи пилот Алексей Мересьев будет, как и его реальный прототип, после долгих мучительных тренировок летать на истребителе с протезами вместо ампутированных ног:

Управлять приходилось не живыми, эластичными, подвижными ногами, а кожаным приспособлением, приложенным к голени с помощью ремней. Нужны были нечеловеческие усилия, напряжение мускулов, воли, чтобы движением голени заставлять жить тяжелые, неповоротливые протезы. <...> Курсант стоял на протезах из кожи и алюминия... [Полевой, с. 113, 133].

Весь роман работает как инверсия экспрессионистского топоса, он повествует о сублимации протезов, о том, как они оживляются, превращаются в передаточные органы для того, чтобы герой «слился со своей машиной, ощутил ее как продолжение собственного тела» [Полевой, с. 141].

В недавно опубликованной статье «Война и инвалид в русской культуре XX века», сравнивая роман Б. Полевого с народными песнями той эпохи, М. Строганов заключает, что в советском обществе и в его литературных репрезентациях инвалид предоставлен самому себе, даже такой герой, как Мересьев: успехом он обязан личным качествам, о поддержке со стороны общественных структур в романе не говорится [Строганов]. О том же говорит А. Зиновьев; имеются и многие другие литературные и документальные свидетельства. Настоящий обвинительный акт системе составлен одним из организаторов движения за права инвалидов в России; название книги Валерия Фефелова повторяет ответ русских спортивных властей на приглашения организаторов Параолимпийских игр: «В СССР инвалидов нет!» [Фефелов].

Евгений Кузнецов объясняет в «Валаамской тетради» (2004):

Уж слишком намозолили глаза «советскому народу-победителю» сотни тысяч инвалидов: безруких, безногих, неприкаянных. <...> Избавиться от них, во что бы то ни стало избавиться! Но куда их подевать? А в бывшие монастыри, на острова! [Кузнецов, с. 76].

Мы незаметно подошли к вопросам отношения общества к инвалидности в реальном мире и в ее художественных репрезентациях и тем самым перешли границу научной дисциплины, которая до сих пор мало появлялась в поле зрения литературоведов, но, подозреваем, повлияла на организацию этой дискуссии. Мы говорим, конечно, о том, что называется *disability studies* [The Disability Studies Reader; Albrecht, Ravaud, Stiker; Disability History; Gardou]. Дисциплина уже вошла в зрелый возраст, ей не меньше 30 лет, в ней выделяется *disability history*, и с недавних пор стали появляться работы из области культурных репрезентаций инвалидности, между прочим, и в восточноевропейском и русском ареалах; для примера назову работу Е. Ярской-Смирновой и П. Романова об иконографии инвалидности в советских плакатах и в кино [Iarskaia-Smirnova, Romanov]. Прямого русского соответствия термину *disability* мы не нашли. Говорят о людях с ограниченными возможностями. Упомянутая статья М. Строганова о теле инвалидов написана в рамках проекта «Репрезентация инвалидности и людей с ограниченными возможностями здоровья в России». Однако в самой статье появляется термин «девиантное тело», и в аннотации на английском языке так и сказано: *deviant body*. Нам тут видится недоразумение. Если мы говорим о *disability*, то вряд ли можем говорить о *deviant body*. Понятие девиантности заставляет предположить, что существует не только общепринятая телесная норма, но и ее прямолинейное шествие сквозь время, которое ветвится девиациями. А значит, последние подлежат изучению не сами по себе, а по отношению к норме. Мы говорим не с позиции левоидеологического резонанса (которым, бывает, страдают те, кто занимаются «штудиями ограниченности»), а с точки зрения чистой методологии. Вот что все в том же романе об уродках и протезах говорит о норме писатель-логик Зиновьев:

Норма сама по себе вообще реально не существует. Норма есть лишь абстракция от уродств, а уродство – лишь реальность нормы. <...> Только благодаря уродкам здоровые люди осознают себя в качестве нормальных людей... [Зиновьев, с. 105–106].

* * *

В заключение вернемся к персонажам Платонова – Жачеву и Москве. Они позволяют поставить еще один вопрос – о соотношении

сознания, тела и протезов как заменителей тела. Как всегда, писатель избегает тривиального ответа.

Если Жачев четко осознает себя неполным человеком, но не сомневается в своей идентичности, то Москва, потеряв ногу, не знает, в чем заключается ее цельность. «– Я ведь не нога... – А кто же? – Я не нога, не грудь, не живот, не глаза, – сама не знаю кто...» [Платонов, т. 4, с. 80]. Она как бы говорит: «Я не мое тело». Она учится владеть протезом, но не считает «деревянную ногу» своей. Кто же «я»? Вопрос подчеркнут своеобразным ироническим пролепсисом – в тексте незадолго до эпизода несчастного случая с Москвой появляется описание плаката: «человек в виде буквы “Я”, сокращенный на одну ногу уличной катастрофой» [Платонов, т. 4, с. 28].

Сделаем последнее отступление. Превращая в канон гоголевский «Нос», модернизм и особенно авангард наделяют части тела автономией по отношению к целому; они, разрозненные части, могут стать, как говорит О. Буренина, «пластическим образом нового неклассического целого» [Буренина, с. 323].

Ряд художников-постмодернистов (в России это Олег Кулик, Дмитрий Пригов, Виктор Пелевин) приводят в действие некую механику отрицания связи между телом и идентичностью человека, его сущностью, которую можно перенести как в другие тела, так и в другие системы знаков. Тело человека, естественный и самый понятный из всех знак, знак принадлежности к человеческому роду, превращается в условный и произвольный. В искусстве, однако, все еще работают репрезентации целостного тела, даже когда оно выворочено во всех измерениях, как на картинах Ф. Бэкона. Продолжается прение между душой и телом и между человеком цельным и человеком делимым, *homo integer* и *homo divisus*, между концепциями тела как целого, которому подчинены все органы, и тела как агрегата автономных частей и, конечно, между концепциями души, накрепко связанной с телом, и души, обретающей тело по своему желанию.

Неясно, разрешит ли трансгуманизм этот спор, который на свой манер ведут уже герои Платонова. Не будем комментировать эпизод из «Счастливой Москвы», в котором герои разговаривают о будущем прекрасном теле, не знаящем протезов и уродства, мечтая о нем и одновременно сомневаясь:

[Самбикин] тут же понял, насколько человек еще самодельное, не-мощно устроенное существо – не более как смутный зародыш и проект чего-то более действительного, и сколько надо еще работать, чтобы вернуть из этого зародыша летящий, высший образ, погребенный в вашей мечте [Платонов, т. 4, с. 36].

Спор свидетельствует о том, насколько, сохраняя тесную связь со своей эпохой, А. Платонов актуален в наши протетико-профетические дни.

Список литературы

Буренина О. Органопозтика: анатомические аномалии в литературе и культуре 1900–1930-х годов // Тело в русской культуре / под ред. Г. Кабаковой и Ф. Конта. М. : Новое лит. обозрение, 2005. С. 300–323.

Геллер Л. Органопроекция: в поисках человекомира // Pavel Florenskij – Tradition und Moderne / Hrsg. von N. Franz, M. Hagemester, F. Haney. Frankfurt a/M : Peter Lang, 2001. С. 283–301.

Геллер Л. Оборотень : из национальных мифов // Slavic Almanac : The South African J. for Slavic, Central and Europ. Studies. Vol. 12. 2006. № 2. С. 134–146.

Геллер Л. О протезах и парадигме Нового Человека // Универсалии русской культуры / под ред. А. Фаустова. Воронеж : Изд-во Воронеж. ун-та, 2009. С. 69–75.

Геллер Л. Платонов : революция, утопия, насилие // Скрытая теплота революции / под ред. Е. Яблокова. М. : Полимедиа, 2017. С. 7–24.

Геллер Л. Мир, в котором мы живем : О монстрах и мифах // Привидения, духи и другие существа : Метаморфозы фантастики в славянских литературах : сб. науч. тр. / сост. А. де ля Фортель. М. : ОГИ, 2018. С. 20–64.

Гюнтер Х. К эстетике тела у Платонова (1930-е гг.) // «Страна философов» Андрея Платонова : проблемы творчества / под ред. Н. Корниенко. Вып. 5. М. : ИМЛИ РАН, 2003. С. 76–84.

Зиновьев А. Живи. Lausanne : L'Age d'Homme, 1989. 199 с.

Кравецкий А. Расширенный человек // Однако : [интернет-блог]. 24 янв. 2013. URL: <http://www.odnako.org/blogs/rasshirenniy-chelovek/> (дата обращения: 08.09.2018).

Кузнецов Е. Валаамская тетрадь. СПб. : Росток, 2003. 138 с.

Леонов Л. М. Соть // Леонов Л. М. Собр. соч. : в 10 т. М. : Худ. лит., 1982. Т. 4. С. 7–284.

Нагибин Ю. Еще о Платонове // Андрей Платонов : Воспоминания современников. М. : Сов. писатель, 1994а. С. 74–78.

Нагибин Ю. Бунташный остров. М. : Моск. рабочий, 1994б // LibRu : Библиотека Максима Мошкова [сайт]. URL: <http://www.lib.ru/PROZA/NAGIBIN/bogoyar.txt> (дата обращения: 07.09.2018).

Платонов А. П. Собрание сочинений : в 8 т. / сост. Н. В. Корниенко : науч. ред. Н. М. Малыгина : подг. текста Н. В. Корниенко, Е. В. Антонова. М. : Время, 2008–2011.

Полевой Б. Повесть о настоящем человеке. М. : Аст-Астрель, 2010. 382 с.

Прокофьева В. Семантическое поле 'телесность': роман А. Платонова «Счастливая Москва» // Вестн. Томск. гос. ун-та. 2014. № 388. С. 24–29.

Сонг Чжон Су. Роман «Счастливая Москва» в контексте творчества А. П. Платонова 1930-х гг. : дис. ... канд. филол. наук. М. : [Б. и.], 2003. 228 с.

Строганов М. Инвалид и война в русской культуре XX века // Культура и текст. 2017. № 3. С. 84–108.

Толковый словарь Ушакова [сайт]. URL: <http://ushakovdictionary.ru/> (дата обращения: 28.10.2018).

Федин К. Города и годы (1924) // Федин К. Собр. соч. : в 10 т. М. : Худ. лит., 1969. Т. 1. 448 с.

Фефелов В. В СССР инвалидов нет! Лондон : ОРИ, 1986. 164 с.

Шаламов В. Протезы // Варлам Шаламов [сайт]. URL: <https://shalamov.ru/library/1/26.html> (дата обращения: 06.09.2018).

Albrecht G. L., Ravaud J.-F., Stiker H.-J. L'émergence des disability studies : état des lieux et perspectives // Sciences sociales et santé. Vol. 19. 2001. No. 4. P. 43–73.

Armstrong T. Modernism, Technology, and the Body : A Cultural Study. Cambridge : Cambridge Univ. Press, 1998. 309 p.

CNRS-ia Transhumanisme : L'humain et ses prothèses : savoirs et pratiques du corps transformé. 11 et 12 décembre 2015, Paris // Transhumanisme et Intelligence artificielle

[website]. URL: <https://iatranshumanisme.com/2016/06/05/colloque-international-lhumain-et-ses-protheses-savoirs-et-pratiques-du-corps-transforme/> (mode of access: 20.02.2018).

Disability History : Konstruktionen von Behinderung in der Geschichte. Eine Einführung / Hrsg. von E. Bösl, A. Klein, A. Waldschmidt. Bielefeld : Transcript, 2010. 124 S.

Gardou Ch. Handicap, une encyclopédie des savoirs. Toulouse : Erès, 2014. 472 p.

Heller L. Contours de l'animal, contours de la modernité // Le premier quinquennat de la prose russe du XXIe siècle / ed. H. Mélat. Paris : Inst. d'études slaves, 2006. P. 107–121.

Iarskaia-Smirnova E., Romanov P. Heroes and Spongers : The Iconography of Disability in Soviet Poster and Film // Disability in Eastern Europe and the Former Soviet Union. History, Policy and Everyday Life / ed. by M. Rasell, E. Iarskaia-Smirnova. L. : Routledge, 2014. P. 67–96.

Lotka A. J. The Law of Evolution as the Maximal Principle // Human Biology. 1945. Vol. 17. P. 167–194.

Lury C. Prosthetic Culture : Photography, Memory and Identity. L. : Routledge, 1998. 248 p.

The Disability Studies Reader / ed. by L. J. Davis. N. Y. : Routledge, 2006. 451 p.

The Prosthetic Impulse : From a Posthuman Present to a Biocultural Future / ed. by M. Smith, J. Morra. Cambridge, MA : MIT Press, 2005. 340 p.

References

Albrecht, G. L., Ravaud, J.-F., Stiker, H.-J. (2001). L'émergence des disability studies : état des lieux et perspectives. In *Sciences sociales et santé*. Vol. 19. No. 4, pp. 43–73.

Armstrong, T. (1998). *Modernism, Technology, and the Body: A Cultural Study*. Cambridge, Cambridge Univ. Press. 309 p.

Bösl, E., Klein, A., Waldschmidt, A. (Hrsg.). (2010). *Disability History : Konstruktionen von Behinderung in der Geschichte. Eine Einführung*. Bielefeld, Transcript. 124 S.

Burenina, O. (2005). Organopoetika: anatomicheskie anomalii v literature i kul'ture 1900–1930-kh godov [Organo-poetics: Anatomical Anomalies in the Literature and Culture of 1900s–1930s]. In Kabakova, G., Conte, F. (Eds.). *Telo v russkoi kul'ture*. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie, pp. 300–323.

CNRS-iaTranshumanisme: L'humain et ses prothèses : savoirs et pratiques du corps transformé. 11 et 12 décembre 2015, Paris. In *Transhumanisme et Intelligence artificielle* [website]. URL: <https://iatranshumanisme.com/2016/06/05/colloque-international-lhumain-et-ses-protheses-savoirs-et-pratiques-du-corps-transforme/> (mode of access: 20.02.2018).

Davis, L. J. (Ed.). (1997). *The Disability Studies Reader*. N. Y., Routledge. 451 p.

Fedin, K. (1969). Goroda i gody (1924) [Cities and Years (1924)]. In Fedin, K. *Sobranie sochinenii v 10 t.* Moscow, Khudozhestvennaya literatura. Vol. 1. 448 p.

Fefelov, V. (1986). *V SSSR invalidov net!* [There are no Disabled People in the USSR!]. L., OPI. 164 p.

Gardou, Ch. (2014). *Handicap, une encyclopédie des savoirs*. Toulouse, Erès. 472 p.

Günther, H. (2003). K estetike tela u Platonova (1930-e gg.) [Platonov's Body Aesthetics (1930s)]. In Kornienko, N. (Ed.). *“Strana filosofov” Andreya Platonova: problemy tvorchestva*. Moscow, Institut mirovoi literatury RAN. Iss. 5, pp. 76–84.

Heller, L. (2001). Organoproektsiya: v poiskakh chelovekomira [Organ Projection: Searching for an Anthropocosmos]. In Franz, N., Hagemester, M., Haney, F. (Hrsg.). *Pavel Florenskij – Tradition und Moderne*. Frankfurt a/M, Peter Lang, pp. 283–301.

Heller, L. (2006). Contours de l'animal, contours de la modernité. In Mélat, H. (Ed.). *Le premier quinquennat de la prose russe du XXIe siècle*. Paris, Institut d'études slaves, pp. 107–121.

Heller, L. (2006). Oboroten' : iz natsional'nykh mifov [The Werewolf : From National Myths]. In *Slavic Almanac. The South African Journal for Slavic, Central and European Studies*. Vol. 12. No. 2, pp. 134–146.

Heller, L. (2009). O protezhakh i paradigme Novogo Cheloveka [Of Prostheses and the Paradigm of the New Man]. In Faustov, A. (Ed.). *Universalii russkoi kul'tury*. Voronezh, Izdatel'stvo Voronezhskogo universiteta, pp. 59–75.

Heller, L. (2017). Platonov : revolyutsiya, utopiya, nasilie [Platonov: Revolution, Utopia, Violence]. In Yablokov, E. (Ed.). *Skrytaya teplota revolyutsii*. Moscow, Polimedia, pp. 7–24.

Heller, L. (2018). Mir, v kotorom my zhivem. O monstrakh i mifakh [The World We Live in. Monsters and Myths]. In La Fortelle de, A. (Ed.). *Privideniya, dukhi i drugie sushchestva. Metamorfozy fantastiki v slavyanskikh literaturakh: sbornik nauchnykh trudov*. Moscow, Ob'edinennoe gumanitarnoe izdatel'stvo, pp. 20–64.

Iarskaya-Smirnova, E., Romanov, P. (2014). Heroes and Spongers: The Iconography of Disability in Soviet Poster and Film. In Rasell, M., Iarskaya-Smirnova, E. (Eds.). *Disability in Eastern Europe and the Former Soviet Union. History, Policy and Everyday Life*. L., Routledge, 67–96.

Kravetskii, A. (2013). Rasshirenniy chelovek [An Extended Human]. In *Odnako* [internet-blog]. Jan., 24. URL : <http://www.odnako.org/blogs/rasshirenniy-chelovek/> (mode of access: 08.09.2018).

Kuznetsov, E. (2003). *Valaamskaya tetrad'* [Notebook from Valaam Island]. St Petersburg, Rostok. 138 p.

Leonov, L. M. (1982). Sot' [The Sot River]. In Leonov, L. M. *Sobranie sochinenii v 10 t.* Moscow, Khudozhestvennaya literatura. Vol. 4, pp. 7–284.

Lotka, A. J. (1945). The Law of Evolution as the Maximal Principle. In *Human Biology*. Vol. 17, pp. 167–194.

Lury, C. (1998). *Prosthetic Culture: Photography, Memory and Identity*. L., Routledge. 248 p.

Nagibin, Yu. (1994a). Eshche o Platonove [Once more on Platonov]. In *Andrei Platonov: Vospominaniya sovremennikov*. Moscow, Sovetskii pisatel', pp. 74–78.

Nagibin, Yu. (1994b). Buntashnyi ostrov [The Rebel Island]. Moscow, Moskovskii rabochii. In *LibRu: biblioteka Maksima Moshkova* [website]. URL: <http://www.lib.ru/PROZA/NAGIBIN/bogoyar.txt> (mode of access: 07.09.2018).

Platonov, A. P. (2008–2011). *Sobranie sochinenii v 8 t.* [Collected Works. 8 Vols.] / ed. by N. V. Kornienko, E. V. Antonov. Moscow, Vremya.

Polevoi, B. (2010). *Povest' o nastoyashchem cheloveke* [A Story about a Real Man]. Moscow, Ast-Astel. 382 p.

Prokof'eva, V. (2014). Semanticheskoe pole 'telesnost': roman A. Platonova "Schastlivaya Moskva" [The Semantical Field of Corporality. A. Platonov's Novel *Happy Moscow*]. In *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta*. No. 388, pp. 24–29.

Shalamov, V. (N. d.). Protezy [Prostheses]. In *Varlam Shalamov* [website]. URL: <https://shalamov.ru/library/1/26.html> (mode of access: 06.09.2018).

Smith, M., Morra, J. (Eds.). (2005). *The Prosthetic Impulse: From a Posthuman Present to a Biocultural Future*. Cambridge, MA, MIT Press. 340 p.

Song Jong Su (2003). Roman "Schastlivaya Moskva" v kontekste tvorchestva A. P. Platonova 1930-kh gg. [The Novel *Happy Moscow* in the Context of A. P. Platonov's Creative Work of the 1930s]. Avtoreferat dis. ... kand. filol. nauk. Moscow, S. n. 228 p.

Stroganov, M. (2017). Invalid i voina v russkoi kul'ture XX veka [Wounded Warriors and War in 20th-century Russian Culture]. In *Kul'tura i tekst*. No. 3, pp. 84–108.

Tolkovyi slovar' Ushakova [Ushakov's Explanatory Dictionary] [website]. (N. d.). URL: <http://ushakovdictionary.ru/> (mode of access: 28.10.2018).

Zinov'ev, A. (1989). *Zhivi* [Live!]. Lausanne, L'Age d'Homme. 199 p.

The article was submitted on 12.04.2018